

О ЕГЭ КАК ОБ ИДЕАЛЬНОМ ТУПИКЕ

Александр Привалов

[http://expert.ru/expert/2011/24/](http://expert.ru/expert/2011/24/o-ege-kak-ob-idealnom-tupike/)

[o-ege-kak-ob-idealnom-tupike/](http://expert.ru/expert/2011/24/o-ege-kak-ob-idealnom-tupike/)

Журнал «Эксперт»

2011, 20–26 июня, №24.

В самом пылу разговора о нынешних скандалах с ЕГЭ собеседник вдруг спросил меня: «Вы в Доме педагогической книги давно не были?» — Да уж не помню, говорю, когда и заходил. — «А вот зайдите, посмотрите». Я зашёл и посмотрел; зрелище оказалось убедительным. Судя по полкам с учебной литературой (а по чему ещё прикажете судить?), в нашей школе серьёзно преподают ровно один предмет: ЕГЭ. Именно это слово стоит на обложках как минимум двух третей продаваемых изданий. Второе по заметности слово — ГИА, а всякие там физики да биологии, не осенённые трёхбуквенным знаменем, надёжно загнаны на задний двор. Наша нынешняя школа — всего лишь ЕГЭ с бахромой.

И бахрома-то невелика. В выпускных классах всё больше учеников пропускают уроки — сидят у репетиторов. Растёт число экстернов: какого чёрта даже изредка таскаться в эту вашу школу, время терять? С другой стороны, всё меньшую (официальную) нагрузку берут лучшие учителя: они за день дома зарабатывают больше, чем в школе за месяц. Да и как могло быть иначе, если мы сделали аксиомой, что смысл школы состоит в подготовке к поступлению в вуз, а потом совместили выпускные экзамены со вступительными? И нужно понимать, что и после съёживания школы до натаскивания на конкретные тесты результаты этих тестов куда хуже, чем нам рассказывают. Количество «двоек», выставяемых за ЕГЭ, отражает не число неуспешных школьников, а представления чиновников о том, скольким выпускникам можно не дать аттестатов, не спровоцировав народных волнений. Вот свежееобъявленный результат ЕГЭ по математике: 4,9% провалившихся. А «тройку» решено ставить за 24 балла. Всякий, кто даст себе труд познакомиться с тестом, увидит: 24, которые постановлено считать удовлетворительным результатом, — это меньше, чем невежество. Смышлёный мальчишка десяти-двенадцати лет шутя наберёт больше. Но мудрые чиновники прикинули: требовать для «тройки» 25 баллов

означало бы уже свыше пяти процентов провала — и не надо дразнить гусей. Какая доля выпускников *на самом деле* способна справиться с предлагаемым — видит Бог, не слишком сложным — тестом, остаётся только гадать. Мне приходилось слышать, что менее половины; может, оно и неправда — но никак не более лихая ложь, чем рособрнадзорские 95,1%!

В этом году самой обсуждаемой темой из области ЕГЭ стали скандалы. Людей можно понять: скандалы красочны и разнообразны. Вот, например, Адыгея: замминистра образования организовала для избранных школьников досрочное заполнение тестов по русскому языку. А вот Москва: вместо нескольких учеников писать тест по математике пришли студенты первокурсных вузов. А вот Татарстан: «Сотрудники полиции и представители Минобрнауки Татарстана в ходе проверки поступившего сигнала о нарушении установили, что во время экзамена действовал чётко отлаженный механизм, направленный на достижение учениками положительных результатов любой ценой». А вот Интернет, то есть *повсеместно* группа в социальной сети, открыто сформированная для «скоординированного взаимодействия во время проведения ЕГЭ», в день сдачи теста по математике была посещена 165 тысячами школь-

ников; правильные решения были там доступны уже через час после начала экзамена. Говорить обо всём этом, без сомнения, нужно, но очень трудно сказать что-либо свежее. Единственный, кажется, нетривиальный комментарий дала глава Рособрнадзора Глебова, объявившая эти скандалы победой своего ведомства: мол, кабы мы не усилили контроль, вы бы ничего и не узнали. Люди, недостаточно чиновные для речей такого класса, могут добавить только одно: дальше будет хуже. Если в этом году так или иначе подделана, условно говоря, четверть тестов, то в будущем году будет половина, а ещё через год — все. Достоверно зная, что другим детям «помогают» с ЕГЭ, кто будет готов удержаться и не «помочь» своим?

Всё совсем просто. Добрые модернизаторы образования, с хрустом продавившие обязательный ЕГЭ, повесили на этот гвоздь слишком много грузов — он и не мог не согнуться. По результатам ЕГЭ прямо или чуть-чуть косвенно оценивается работа учителя, директора школы (да и ректора вуза), Департамента образования, губернатора, федеральных вождей образования; отблеск результатов ЕГЭ заметен и выше. Поэтому в сторону подделки, или, пользуясь счастливым выражением коллег из Татарстана, «достижения положительных результа-

Кафедра
педагогических
измерений

ИЗМЕРЕНИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
КАФЕДР

ПЕД
измерения

тов ЕГЭ любой ценой», будут всё активнее давить все перечисленные силы. Сил же, действующих в обратном направлении, нет — в смысле, *практически* нет. Что же до коррупции, которую, говорят, ЕГЭ у нас на глазах поборол, то и тут всё понятно. Раньше не все родители понимали, что платить надо, и уж точно не было консенсуса на тему, за что именно надо платить; ныне оба эти неудобства успешно устранены, и дело пошло много веселее.

Конечно, не в ЕГЭ суть ускоряющейся деградации школы, но и ЕГЭ оказался в этом смысле судьбоносен. В педагогической среде есть уже термин *егэизация сознания* — умение действовать только по шаблону: ответы на тесты в ЕГЭ предполагают шаблоны, отступление от которых карается. Нет, скажем, в первом абзаце «свободного эссе» слова *«проблема»* — минус два балла. Понятно, что не в баллах дело, дело в отказе нации в праве думать. ЕГЭ явно нужно отменить — и непонятно, как это сделать, не развалив уже плотно на-

низанную на него школу. На мой взгляд, можно было бы быстро сделать хотя бы одно: сказать вслух, что школа не прихожая вуза, а самоценная часть жизни человека, и с будущего же лета развести выпускные и вступительные экзамены. Пусть, например, написанный в школе ЕГЭ станет пропуском не в университет, а на экзамен в университет; можно и по-другому, детали почти не важны — лишь бы снять школу с *единственного* гвоздя. А дальше, получив некоторое облегчение, нужно будет ещё быстрее заниматься настоящим делом: начать, наконец, думать не об автономизации школ или, там, о псевдостандартах, а о содержании школьного образования, о мотивации учеников и мотивации учителей, о современных методах социализации детей и современном оснащении учебных процессов, о создании в России современной образовательной среды.

Быстро же всё это надо делать потому, что деградация — процесс не бесконечный, а гибель школы есть гибель нации.